

Иван Лукаш

Азовское сидение

Иван Созонтович Лукаш

Азовское сидение

Серия «Со старинной полки»

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2454545*

Аннотация

«...Казацкая грамота «Роспись об Азовском осадном сидении донских казаков», привезенная на Москву царю Михаилу Федоровичу азовским атаманом Наумом Васильевым, это трехсотлетнее казацкое письмо, по совершенной простоте и силе едва ли не равное «Слову о полку Игореве», – страшно, с потрясающей живостью, приближает к нам ту Россию воли, крови и долга, какой мы разучились внимать.

Торопливо, хотя бы кусками, я постараюсь пересказать это казацье письмо...»

Иван Созонтович Лукаш

Азовское сидение

Русское восстановление, вероятно, восстановление прежде всего, во всей страшной силе цельности, русского духа, не только в слове или мысли, но во всей крови, на всех последних пределах человеческой воли. Не будет так, не будет и русских.

1937 год – трехсотлетняя казачья дата, какую отметит скромным торжеством в изгнании Всевеликое Войско Донское – одно из таких могучих знамений цельности русского духа, до последнего предела воли и крови. Выйдем ли мы когда-нибудь из порочного круга наших теперешних слов, из всего ничтожного и чужого вздора – «демократий, социализмов, республик», измельчивших русских в человеческую пыль и труху? Вернемся ли мы, наконец, к изумительным, совершенно живым ключам русской духовной силы, к русской живой воде, какая бьет и в этом Азовском казачьем сиденье?

* * *

Все, разумеется, когда-то слышали, и наши детские глаза торопливо пробежали когда-то казачье письмо из Азова московскому царю Михаилу. И все, разумеется, забыли его.

Мы же все, с нашими университетами, профессорами, эсерами, театрами, поэтами, канцеляриями – со всем нашим ничтожным маревом России, считали себя едва ли не умнее России и ее прошлого, ее кремлей и людей, ее простой и верной мощи. Мы же хотели все переделать в России по самым последним европейским образцам. И мало-помалу перестали внимать ей, помнить и понимать ее. И потому, что мы не вняли ей, мы ее отдали, и она от нас отошла.

Казацкая грамота «Роспись об Азовском осадном сидении донских казаков», привезенная на Москву царю Михаилу Федоровичу азовским атаманом Наумом Васильевым, это трехсотлетнее казацкое письмо, по совершенной простоте и силе едва ли не равное «Слову о полку Игореве», – страшно, с потрясающей живостью, приближает к нам ту Россию воли, крови и долга, какой мы разучились внимать.

Торопливо, хотя бы кусками, я постараюсь пересказать это казацье письмо.

* * *

В 1637 году донские казаки захватили у султана Мурада город Азов. С донскими были и кошевые запорожцы атаманов Острицы и Гуни.

Государь Михаил Федорович не согласился принять от казаков Азов под свою высокую руку. Казаки стали отсиживаться в городке за свой страх. Султан Мурад умер, новый

султан Ибрагим двинул на городок громадные двухсоттысячные полчища, сотни осадных пушек, а в Азове едва ли было до десяти тысяч казаков, с ними до тысячи казачек.

Началась осада, с июля до сентября.

О ней и рассказывает царю Михаилу казацкая весть, привезенная на Москву донским атаманом.

* * *

«Октября в 24-й день приехали к Москве, к государю-царю и великому князю Михаилу Федоровичу, всея России самодержцу, с Дону, из Азова-городка, донские казаки, атаман Наум Васильев, да есаул Федор Иванов, а с ними казаков приехало двадцать четыре человека, которые сидели в Азове-городе от турок в осаде, и своему осадному сидению привезли роспись».

«В прошлом году, июля в 24-й день, прислал турецкий Обрагим, салтан-царь, под нас, казаков, четырех пашей и двух полковников, им же имена Капитон, да Мустафа, да Усеин, да Ибреим, а с ними, пашами, прислал турецкий царь под нас свою собранную силу и басурманскую рать, всех сподручников своих, нечестивых царей, королей и князей и владельцев двенадцати земель, по спискам его боевого люду бранного – двести тысяч, кроме поморских и кафинских черных мужиков с лопатами и заступами, на загребенья наше, чтобы нас, казаков, многолюдством своим в Азове-городе живых загре-

сти и засыпать горою великою».

«Да с ними же, пашами, пришел из Крыма крымский царь, да брат его Нарадым, и Крим-Гирей, царевич, со всею своею Крымскою и Ногайскою ордою, да крымский и ногайский князья, мурзы и татаре...»

Роспись точно и верно перечисляет эти полчища, особенно отмечая наемных немецких людей, «полковников, шесть тысяч солдат, да для приступных промыслов многие немецкие люди, городоемцы, приступные и подкопные, мудрые вымышленники, славные многих государств, из Венеции великия, и Стекольные, и из Фрэнции».

* * *

«Июля, в 24-й день, в первом часу, пришли к нам паши под город.

Все наши поля чистые орды ногайскими засеяны: где у нас была степь чистая, тут стало у нас одним часом, людьми их многими, что великие леса темные. Из Дону вода на береги выступила и из мест своих на луги пошла.

И почали они, турки, по полям у нас шатры свои турецкие ставити, палатки многие, наметы великие и двory большие полотняные, что горы страшные забелелися.

И почали у них в полках быти трубли великие в трубы большие, и игры многие, и писки несказанными голосами, страшными, басурманскими.

И в полках их почала быти стрельба пушечная и мушкетная, великая: как есть стала гроза над нами страшная, будто гром великий, и молния страшная, как от облака бывает с небеси. От стрельбы их стал огонь и дым до неба, и все наши градные крепости потряслись от стрельбы той, и солнце померкло во дню, и в кровь превратилось: как есть – наступила тьма темная.

И страшно добре нам стало от стрельбы их в те поры. Трепетно и дивно их приход басурманский нам было видети...»

* * *

«Их яныченские головы строем пошли к нам под город великими полками. Знамена у них, у всех янытченей, великие, черные: яко тучи страшные покрывают людей. Знамена у них гремят многие, трубы трубят и в барабаны бьют. Ужасно слышати сердцу всякому их басурманскую трублю: яко звери воют над головами нашими.

Двенадцать их голов яныченских пришли к нам самую близостью к городу и осадили они нас, пришедши. Стали кругом Азова-города, в восемь рядов, от реки Дону до моря, захвати рука за руку, и батожки они понатыкали, и мушкеты свои на нас прицелили.

Того же дня на вечер прислали они к нам толмачей своих басурманских и почал нам говорить глава их яныченский слово царя своего турецкого речию гладкой.

– Люди Божие, Царя Небесного, казачество Донское, вольное, свирепое! – говорил Янычар-паша. – Никем вы в пустынях водимы или посылаемы, яко орлы паряще, без страха, по воздуху летаете. Аки львы в пустынях рыскаете... Не впрямь ли вы еще на Руси богатырями святорусскими нарицаетесь? Где, воры, теперво можете утечи от руки страшные царя турецкого? Птицею ли вам из Азова летети? Осажены вы теперво накрепко...

Яныченский голова ярой бранью стал бранить казаков за захват Азова, называть их «убийцами, разбойницами нещадными, именами звериными».

– Вы взяли у нашего царя его любимую вотчину Азов-город и теперво сидите в нем. Разделили вы государя турецкого тем Азовом-городом со всею его ордою Крымскою и Ногайскою воровством своим, затворили все море синее, не даете проходу по морю ни кораблям, ни каторгам. Сгрубя вы такую грубость, чего вы конца в нем дожидаетесь? Крепкие, жестокие казачьи сердца! Очистите вотчину царя турецкого, Азов-город, в ночь сию, не мешкая. Не тронем вас ничем.

А если из Азова сея ночи вы не выйдете, не можете завтра живы быти. Если пересидите в Азове ночь сию, возьмем завтра град Азов и вас в нем. воров-разбойников, яко птицу взяв в руки свои, и отдадим вас, воров, на муки лютые, грозные, раздробим всю плоть вашу разбойничью на drobные крошки.

Силы с пашами под вас прислано больше, чем волосов на

главах ваших. Не перелетит через силу турецкую ни какова птица паряща, устрасяся людей.

От царства вашего Московского никакой вам помощи не будет, ни от царя, ни от человек русских выручки. На что вы таково надежны, глупые воры? Запасу вам хлебного не пришлют...

А если вы, люди Божие, казачество свирепое, служить хотите Обрагиму-салтану и его величеству принесете вольные свои головы разбойничьи в повиновение на службу вечную, отпустит наш турецкий царь и все паши его ваши казачьи грубости прежние и нынешнее взятие Азовское, обогатит он вас несчетным богатством, учинит вам, казакам, у себя в Царь-граде покой великий вовеки, положит на вас, на всех казаков, платье свое златоглавое, печати подаст вам золотые, с царевым клеймом, и всякая душа турецкая будет вам во Царь-граде кланяться, и всех вас, казаков, называти:

– Дону славного рыцари знатные, казаки избранные...»

* * *

Страшное мгновение.

Что решат, что ответят несколько тысяч степных всадников, бородатых московитов, почерневших от походов и солнца, в изодранном кафтанье, измазанном дегтем и конским мылом, а с ними зеленоглазые запорожцы, с сивыми оселед-

цами¹, падающими на горящие глаза, с литыми медными телами кентавров, в диком мясе шрамов и старых сабельных ран, в лохмотьях красных жупанов?

Толпа степных босоногих наездников засела в турецком городе и теперь разбойничьей толпой трусов, с награбленной добычей, кинется ли в ту же ночь из города вон, перед нашедшей громадной силой?

Казачья «Роспись» не преувеличивает сил султана. Историки насчитывают еще больше, до двухсот сорока тысяч, против казачьей горсти за земляными валами крепости.

Страшное мгновение. И есть в нем дыхание вечности народа, его творящей воли, совести, гения. Точно все эти степные люди, черные от загара, потрясенные грозой басурманской стрельбы и басурманской трубы, знали, ясно провидели из Азова-города будущие века России, ход ее поколений. Они все в изумительной ясности духа стоят перед лицом России, эти степные дикари.

Вероятно, они не больше чем «дикари» для какого-нибудь политикана-профессора или для тех неисчислимых, сомнящих межеумков и недоумков – попугаев, напетых на голос революции, с совиной слепотой предавших Россию на наших глазах.

Степные наездники, беглые на вольный Дон московские мужики и суровые хохлы Остраницы – все это свирепое и вольное казачество три века назад неизмеримо яснее, силь-

¹ Чуприна, чуб. коса на темени (укр.).

нее и вернее знало и чуяло ход России и свой долг перед нею до самой последней крови, до самой мучительной смерти, чем все то, что на наших глазах, со всеми партиями и лидерами, журналами, литературами и театрами, сошло в России таким кровавым маревом...

На другой день осажденные казаки ответили турецкому султану, и к ответу их, вероятно, приложили руку и азовские запорожцы, хорошо поднаторевшие в такой переписке.

Казачий ответ, можно сказать, врезается в наш сегодняшний день, в каждую живую душу. Ведь и мы столько уже лет осаждены со всех сторон, нещадно обложены всеми черными и красными знаменами, какие, «яко тучи страшные, покрывают людей».

Этот «Ответ казачий из Азова-города турецким и разных языков и вер толмачам и голове яныченскому» замечателен именно по силе и цельности русского духа.

* * *

Вот что ответили казаки, осажденные в Азове: «Прегордые и лютые варвары! Силы и пыхи царя турского! Ведаем-ся мы с вами почасту на море и на сухом пути. Знакомы вы уж нам, и ждали мы вас, гостей, к себе под Азов-город дни многи.

И то вам, туркам, самим давно ведомо, что с нас по сю пору никто наших зипунов даром не имывал с плеч наших. Хо-

тя он у нас, турецкий царь, Азов и взятием возьмет, небольшая то честь и похвала будет его имени, и не избудет он тем навеки, не изведет казачьего имени, и не запустеет Дон головами нашими.

Назвал он высока себя, будто он выше всех земных царей. А мы люди Божии: надежда у нас вся на Бога и Матерь Божию Богородицу, и на иных угодников, и на всю братию и товарищей своих, которые у нас на Дону в городках живут. А холопы мы природные царя христианского царства Московского, и прозвище наше вечно: казачество вольное Донское бесстрашное.

Мы сели в Азове людьми малыми для опыту: посмотрим мы турецких умов и промыслов: то мы все применяемся к Ерусалиму и Царю-граду. Хочется нам також взяти Царьград: то государство было христианское...

Да вы же нас пужаете, басурмане поганые, что с Руси не будет к нам ни запасу хлебного, ни выручки.

Мы про то сами и без вас, собак, ведаем, какие мы на Руси в государстве Московском люди дорогие и чему мы там надобны. Очередь мы свою сами собою ведаем.

Государство Московское многолюдно, велико и пространно, сияет светло посреди, паче всех иных государств и орд, аки в небе солнце.

А бегаем мы из того государства Московского из работы вечные, из холопства невольного, от бояр и от дворян государевых, да zde прибегли и вселились в пустыне, взираем на

Христа Бога небесного. Так питаемся подле моря Черное. А золото и серебро емлем у вас за морем: то вам самим ведомо. А жены себе красные и любимые водим и выбираем от вас же, из Царя-града...

А се мы взяли Азов-город волей, а не государским повелением, – для казачьих зипунов своих и для лютых и высоких пых ваших, поганых и скаредных.

И за то на нас, холопей своих, государь наш зело кручиноват: от него, великого государя, казни ждем смертные за взятие Азовское.

Буде же впрямь мы царю турецкому надобны, отсидимся от вас в Азове-городе, и побываем мы у него за морем под его Царем-градом, посмотрим мы его, Царь-града, строения. Там с ним, царем, переговорим речь всяческую, лише бы ему наша казачья речь полюбилася – наши пищали казачьи да сабельки острые...

Мы у вас взяли Азов-город головами своими молодецкими, а вы его из казачьих рук наших добываете головами своими турецкими. Кому-то на боях поможет Бог!

Потерять вам под Азовом-городом турецких голов ваших многие тысящи, а не видать вам его будет из рук наших казачьих и до века. Разве великий государь, царь и великий князь Михайло Федорович, всея России самодержец, вас им, собак, пожалует: то уж ваша будет. На то его государская воля...»

* * *

Так умели отвечать русские люди три века назад. Так ответили десять тысяч азовских казаков больше чем двухсоттысячному войску, осадившему их. И тогда начался приступ.

* * *

У турок почали в трубы трубить, в великие, бить в гарматы, в набаты, в роги, в цимбалы. Почали играть добре жалостно.

И строились они всю ночь, до свету, с великолепной живостью.

«Когда же на дворе был час дня, – рассказывает казачье письмо, – почали они выступать из станов своих. Знамена у них зацвели и прапоры на поле, как цветы многие. От труб великих и набатов неизреченный визг...

Приклонили они своими знаменами весь Азов-город. Почли башни и стены топорами рубить, на стену многие пришли, хотели нас взять того же часу первого своими силами.

В те поры уже у нас пошла своя стрельба по ним осадная из города, а до сех мест мы им молчали.

В огне и в дыму не мочно у нас друг друга видети: от стрельбы их огненной дым топился до неба, как есть –

страшная гроза небесная, когда бывает гром с молнией.

Которые у нас подкопы были отведены за городом для ради их приступа, и те наши подкопы от множества их сил не устояли, все обвалились...

И уста наши кровью запеклись, не пиваючи, не едаючи...

И было у нас на том приступном месте двенадцать пушек, набиты дробом. И убили мы у них двух полковников немецких с немецкими солдатами, да убили у них двенадцать голов яныченских с янычены.

И вышли мы, казаки, на вылазку, и взяли у них большое знамя с клеймом турецким, да взяли у них пашу первого.

В тот день мы бились с ними до вечера. Едва от них отбились».

* * *

С рассвета до ночи гремел Азов, сверкая грозою.

Только отчаянная казачья вылазка остановила приступ, когда из порохового дыма, в лохмотьях, почерневшие, в запекшейся крови, вырвались казаки на турок по обваленным стенам.

В первом часу ночи турки отхлынули в свои таборы. «И ночь всю смечалися, много ли войска побито».

Утром другого дня пушки молчали.

Турки прислали под город своих толмачей, учили просить мертвых тел, а за всякое тело давали по золотому, за началь-

ных людей давали по двенадцати золотых, а за пашу давали, что он потянет золота.

Но казаки войском на том не постояли: не взяли у них ни серебра, ни золота.

– Не продаем мы мертвого труп в поле, – ответили толмачам казаки. – Емлите свои тела даром. Не дорого нам серебро и золото, дорога нам слава вечная... То вам, собакам, из Азова-города игрушка первая... Лише мы, молодцы, оружие прочистили. А иным нам вас потчевать нечем: дело осадное.

Турки отбирали «побитый труп целый день до вечера».

«Выкопали мы яму побитому своему трупу, великие рвы, от города три версты, засыпали их горою высокою. И поставили над ними признаки многие, басурманские, и подписали языки многими, разными...»

* * *

На другой день турки стали рыть гору всем своим войском, и вырыли ее многим выше Азова.

«Хотят тою горою засыпать Азов-город, и нас, казаков, горькою смертью излучить, – повествует письмо.

И увидели мы, бедные, свою погибель, что приходит смерть скорая, и удумали промежду собою.

Хорошо нам, казакам, умереть в поле, а не в ямах?»

Всем войском помолились казаки Иоанну Предотечу и Николе Чудотворцу и пошли на вторую вылазку, с криками:

«Умирать ли нам или не умирать в поле?»

«И как вошли на ту высокую гору, закричали мы, яко с нами Бог!»

Турки под новым натиском бросили осадные работы. Побежали. Казаки побили у них многие тысячи, да взяли сорок бочек пороху, да шесть знамен пехотных.

И тем порохом разрыли гору, и ту гору на турок же взорвало, на таборы их...

* * *

Никто не ждал в султанских войсках такого отпора.

За две вылазки казаки смели до двадцати тысяч осаждающих, взорвали подкопные работы.

«Почали от нас турки страшны быти, – рассказывает письмо. – И почала меж них роздряга быти великая: паши турецкие почали кричать на царя Крымского, что не ходит он к приступу с ордою Крымскою...»

Азов решили взять не приступом, а осадю.

Янычары и черные мужики-негры стали рыть другую гору позади, больше прежней, в длину три лучных стрельбища, а в вышину многим выше Азова.

И на той горе поставили весь снаряд свой пушечный, и пехоту свою привели, пятьдесят тысяч, и орду Ногайскую всю с лошадей сбили.

И почали с той горы из снаряду бить по Азову-граду, бес-

престани, день и ночь. От пушек их страшный гром стоял, огонь и дым топился до неба.

«Шестнадцать ден и ночей не перемолк снаряд их пушечный ни на единый час. Все наши азовския крепости распались, стены и башни все, и церковь Предотечева, и палаты все до единые разбили у нас по подошву самую, и снаряд наш пушечный переломали весь.

Одна лише у нас в Азове-городе церковь стояла внизу добре, у моря под гору.

А мы от них сидели по ямам все, и выглянути нам из них не дадут».

* * *

Но ни казаки, ни казачки, старухи и молодки, ни часу не теряли даром под шестнадцатидневным неугасимым огнем.

«Мы в те поры под их валом дворы потайные великие поделали, – отмечает письмо. – И с тех мы потайных своих дворов подвели под них – двадцать восемь окопов, под их таборы».

У казаков не было инженеров из Венеции или «Фрянции», бородатые степные всадники одним военным чутьем, боевым гением, отбивались от осады.

«Ночную порою» выходили они внезапно то там, то здесь из своих подкопов, каждый раз внезапно, на пехоту яныченскую, вылазками. И тем побивали их множество, и туркам

оттого «постыли все их подкопные мудрости».

* * *

За шестнадцать дней Азов разбили пушечным огнем, засыпали землей, разнесли.

Теперь это была груда дымящихся, горящих развалин. Но все слышался в пороховом дыму звон московского колокола, вероятно, от Николы Чудотворца, доносился иногда свирепый крик осажденных...

Турки пошли на приступ. Двадцать четыре приступа, один за другим.

Многотысячные человеческие волны накатывали на развалины города.

«Ножами мы с ними резались в приступе, – просто вспоминает о страшных днях казачье письмо. – Почали уже они к нам в ямы метати ядра огненные, чиненные, и всякие немецкие приступные премудрости. Тем нам чинили пуще приступов тесноты великие. Побивали многих нас.

Почали нас осиловать, достигать прямым боем: присылать к нам на всякий день янычев своих по десяти тысяч человек.

Приступают к нам целый день до ночи. Ночь придет, – на перемену им идут другие десять тысяч: те к нам приступают ночь всю до света. Ни на один час не дают нам покою: бьются с переменою день и ночь, чтобы истомою осиловать нас...»

«Истомою осиловать нас...» Представляет ли потомок, какую истому несли в те дни и ночи казаки на Азове?

* * *

На улицах, в ямах – всюду убитые. Раненые стонут на кожах и овчинах, на соломе, запекшейся от крови. Уже не перевязать куском рваной посконной рубахи посеченное плечо или руку, не поднести кружки с водой к обсохшему рту.

Бредят, молятся, поют.

Огонь день и ночь бьет по груди изб, телег, скарба, по поднятым темным иконам, по роще казачьих знамен и хоругвей, по человеческому стаду, скучившемуся у Николы Чудотворца, у самого моря, под горой.

Старухи-казачки, подоткнувши полы синих кафтанов, в казацких сапогах, подбитых подковами, и ребята перетаскивают под огнем убитых сыновей и батек.

Молодые казачки, многие в мужниных шароварах, босые, грудь перекрещена пищальными патронницами, подают мужьям снаряд в самый огонь. Чудно сказать, но и молодые пленные турчанки, нежные Джани-ханум, откинувшие чарчаф, такие же загоревшие, зеленоглазые, как казачки, тоже несут своим мужьям-гяурам – Ивасям, Олешам, Андриям – в огненное пекло тяжелые пищали. И молодой казак, с мокрой чуприной, с лицом, залитым потом, в порохе и гари, весело выблиснет всеми белыми зубами, когда подойдет к нему

Джани, вчерашняя басурманка, а нынче, по-Божьему закону, верная казацкая жена.

Раны загнивали, смердела конская падаль. Развалины Азова горько дымились...

«От тяжких ран своих, – рассказывает казачье письмо, – от всяких осадных лютых нужд, от духу смрадного и от человеческого трупия отягнали мы все многими болезнями лютыми, осадными. В малой дружине своей уже и переменить-ся нечем: на единый час отдохнуть нам не дадут.

Отчаявши мы живот свой в Азове-городе, в выручке своей безнадежны стали от человек».

* * *

Козаки понимали: настал конец.

Войско толпилось под образами Иоанна Предтечи и Никола Чудотворца. Чаяли себе помощи только от Вышнего Бога.

– Али мы вас, светов, чем прогневали, что опять хотите идти в руки басурманские, на вас мы, светы, надеялись, когда в осаде сидели. А теперво от турок видим впрямь смерть свою...

Волнуют и сегодня, и всегда будут волновать каждого русского, слова простой казачьей молитвы в огне и гуле Азова, перед темным Предотечей:

– Дни и нощи беспрестане мучимся, поморили нас бессо-

нием. Уже наши ноги под нами подогнулися, и руки наши оборонные не служат нам, и от истомы уста наши замертвели, глаза нам порохом выжгло от беспрестанной стрельбы, язык наш во устах наших на басурман закричать не ворочится, не можем в руках своих никакого оружия держать... Не бывать уже нам на Святой Руси.

Страшные мгновения. Конец. Не сдача, а смерть. Последняя молитва перед последним боем.

Нигде, кажется, в русской письменной речи нет могущественнее и прекраснее слов, чем слова последнего прощания казаков в Азове между собой:

«Почали мы, атаманы и казаки, и удалые молодцы, и все великое Донское и Запорожское свирепое войско, прощаться:

– Прости нас, государь наш, православный царь Михайло Федорович, всея Руси самодержец, вели помянути наши души грешные.

Простите, государи, вси Патриархи Вселенские, простите, государи, вси преосвященные митрополиты. Простите, государи, вси архиепископы и епископы. Простите, государи, архимандриты и игумены. Простите, государи, протопопы и вси священники, и диаконы, и вси соборы освященнии. Простите, государи, вси мниси и затворники. Простите нас вси святии отцы.

Простите, государи, вси христиане православные. Поминайте наши души грешные.

Простите нас, леса темные и дубравы зеленые. Простите нас, поля чистые и тихие заводи. Простите нас, море синее и реки быстрые.

Прости нас, государь наш, тихий Дон Иванович. Уже нам по тебе и атаману нашему с грозным войском не ездити, дикого зверя в чистом поле не стреливать, в тихом Дону Ивановиче рыбы не лавливать».

Всю Русь, все сонмы светлых сил ее, и русские леса, и поля чистые, и дубравы, и заводи, и государя своего Дона Ивановича, как бы зовут к себе на последнюю подмогу казаки. Они прощаются с Русью и просят перед смертью ее благословения.

«Мы пост имели и чистоту душевную», – отмечает письмо. Крылатая высота, сияние русского духа, русский гений в их святом прощании.

В этих степных дикарях, в этом бородатом и суровом донском атамане, Науме Васильеве, что едва, может быть, умел подписать свое имя на грамоте, или в кошевом Острице, с прозрачными глазами, с бирюзовой серьгой в ухе, во всех них, азовских казаках, светлое и могучее дыхание России, ее вечный завет.

«А после прощания, – рассказывает письмо, – взяли мы иконы чудотворные, Предотечеву да Николину, да пошли с ними противу басурманов на вылазку...»

У турок и казаков перед тем были видения: два юноши светлых выезжали в поле из Азова биться, и от образа Пре-

дотечева, от суходрева, «течаху многи слезы...»

Защитники Азова были охвачены духовным подъемом, той светлой одержимостью, какая сильнее и страданий и самой смерти.

«Мы ведали, что стоит над нами милость Божия и заступлением небесных сил на вылазке явно басурманов побили».

В мертвецких белых рубахах шли на вылазку казаки с зажженными свечами, било ночным ветром волосы и бороды. Под иконами, в огнях свечей, с гулом молитв шло на вылазку это войско, уже как бы шагнувшее от земли, победившее самую смерть в последнем порыве.

И вылазка остановила таборы, остановила приступы янычен.

«И мы от бед своих, и от смертных ран, и от истомы отдохнули в те дни, замертво повалились...»

* * *

В те дни, после вылазки, в турецких таборах что-то стряслось. Осаждавшие тоже вымотались. Каждую ночь они страшились казачьего крика, мчащихся привидений. Ночью в таборах поднялась тревога, вой, стрельба. Там приняли друг друга за казаков, там показалось, что азовские мертвецы, босые, в белых рубахах, ворвались в самые шатры пашей.

И ночью, покинувши таборы, все орды и полчища побежали к своим кораблям и каторгам.

«А мы, бедные, на свои руки оборонные и ноги подломленные не надеяся, только чая себе от Бога милости, и от Пречистыя помощи, и заступления Предотечева, крикнули мы, бедные, на их турецкие таборы, а по таборам только огни горят...»

Осаждающие бегут к Черному морю, садятся на свои бусы и каторги, а которые стояли на сухом пути, почали метаться и больше того топились в Черном море... Азов-городок от осады двадцати четырех приступов отбился.

«И мы, остальцы, – всего нас осталось полчетверты тысячи, и те все переранены, – взяли мы иконы Иоанна Предотечи и Николы Чудотворца, место Азовское оставили, а сами пошли на свой Тихий Дон, и там сотворили обитель Иоанна Предотечи и атамана поставили в ней игуменом...»

Гулом древней славы, могущественным, не утихаемым ни в одной русской душе во все века, звучат последние слова казачьего письма:

«Нашему православному государю Михаилу Федоровичу слава вечная во все орды басурманские, персидские и эллинские, нашему атаману Науму Васильеву и всему Войску Донскому слава вечная».

Видение России и русской славы ни на мгновение не покидало этих степных всадников в Азове. Они, простые зипуны, с ними суровый атаман Наум Васильев, недаром звали себя славного Дону рыцарями знатными.

Это было русское рыцарство, и сегодня, через три века,

каждое слово об осаде Азова, горящее страданием, бесстрашием, любовью к России и долгом перед ней, отзывается живым звуком в каждой русской душе.

* * *

– Да вы же пужаете нас, поганые, что с Руси не будет к нам ни запаса хлебного, ни выручки. И мы про то сами и без вас, собак, ведаем, какие мы на Руси в государстве Московском люди дорогие...

Так отвечали казаки осаждающим, и не ошиблись. Их любимый государь, Михайло Федорович, пресветлый, ответил с Москвы на казачье письмо:

«Вас за вашу службу, радение, промысел и крепкостоятельство милостиво похваляю. Пишете, что вы теперь наги, босы и голодны, запасов нет и многие казаки хотят разойтись, а многие переранены. И мы, великий государь, послали вам пять тысяч рублей денег. А что писали к нам о городе Азове и бить челом приказывали, то мы велели дворянину нашему и подьячему города Азова досмотреть, переписать и на чертеже начертить. А вы бы, атаманы и казаки, службу свою, дородство, храбрость и крепкостоятельство к нам совершали, своей чести и славы не теряли, за истинную православную веру и за нас, великого государя, стояли по-прежнему крепко и неподвижно и на наше государственное жалование во всем были надежны...»

Петрова Россия вышла из огня Полтавской баталии.

Но Полтава была завершением воплощения, концом Петрова чуда.

А началось оно еще при царе Михаиле Московском, в Азове, когда несколько десятков тысяч степных всадников явили всем образ бесстрашного и могучего русского духа, победный образ России.

Известно, как любил молодой царь Петр читать казачье письмо об азовском сидении. На нем он как бы познавал могущество русского народа, и оно вдохнуло в него веру в Россию – Победу.

От Азова – в молодой мощи и в Петровой грозе – взошла Россия к Полтавской победе.

И будет за то атаману Науму Васильеву, и всему грозному войску Донскому, и кошевым Остранице и Гуне слава вечная...